

Шаповалова Янина Анатольевна

аспирантка кафедры истории и культурологии
Кубанского государственного университета
roverandom@mail.ru

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
В ОТНОШЕНИИ АБОРТОВ
В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД
(1945–1950 ГГ.)**

Аннотация:

Статья посвящена исследованию послевоенного периода в развитии советской государственной политики в отношении искусственного прерывания беременности. Приводятся источники центральных и региональных архивов, законодательные акты и статистические сведения, материалы прессы. Особый исследовательский интерес представляет меняющееся отношение со стороны партии и правительства к вопросу аборта: от полного запрета до расширения медицинских показаний, а затем и разрешения на проведение операции.

Ключевые слова:

аборт, рождаемость, государственная политика, Советский Союз, советские женщины, криминальный аборт, материнство.

Shapovalova Yanina Anatolievna

post-graduate student of the chair of
history and culturology,
Kuban State University
roverandom@mail.ru

**STATE POLICY
CONCERNING ABORTIONS
IN POSTWAR PERIOD
(1945–1950-IES)**

The summary:

The article investigates the postwar period in the development of Soviet state policy concerning artificial interruption of pregnancy. There are provided the sources of central and regional archives, regulations and statistical information, press materials. The special research interest presents the changing attitude of the party and the government on the issue of abortion from the complete ban to the expansion of medical evidence, and then to the permission to carry out the operation.

Keywords:

abortion, birth rates, state policy, Soviet Union, Soviet women, criminal abortion, motherhood.

Окончание Великой Отечественной войны поставило перед советским правительством множество трудноразрешимых проблем. Среди них одной из главных являлась дальнейшая демографическая политика государства, что было обусловлено тяжелыми потерями, понесенными Красной Армией и мирным гражданским населением. В связи с этим в рамках политики по увеличению рождаемости вновь стал актуальным вопрос об официальной позиции в отношении искусственного прерывания беременности. Как известно, в период войны действовал введенный еще в 1936 г. запрет на аборт [1]. Однако рост числа криминальных абортов в послевоенные годы и, как следствие, причинения вреда женскому здоровью и повышенная смертность вынудили советское правительство изменить политику в отношении прерывания беременности.

Уже 16 августа 1945 г. в Москве в Наркомате здравоохранения состоялось заседание по вопросу о мероприятиях по борьбе с абортom, на которое были приглашены ведущие акушеры-гинекологи страны, представители прокуратуры, наркомата юстиции, наркомата здравоохранения, социально-правовые работники [2]. На нем рассматривался вопрос, который «очень волновал Наркомздрав, органы здравоохранения на местах, советскую общественность и все государство в целом – это вопрос об абортe» [3]. Участниками заседания отмечалось, что за годы войны количество абортов по республикам снизилось, однако все еще оставалось достаточно высоким: по городам Российской Федерации в 1944 г. на 100 беременных было 46,2 абортов, а в среднем по Союзу – 30,5, однако в Москве по некоторым месяцам 1944 г. 73, в Свердловске, Саратове, Горьком – 40 и 40 с лишним [4].

Целью совещания было выработать рекомендации по эффективной борьбе с абортами, а также пересмотр показаний для разрешения данной операции. Учитывая последствия войны, появилось много новых медицинских показаний, при наличии которых женщины шли на аборт: ранения, ампутации, контузии, а также гипертония. Врачи предлагали инструкцию не изменять, а рассматривать каждый подобный случай на специальных абортных комиссиях.

В качестве мер по борьбе с криминальными абортами на заседании были предложены индивидуальная работа в женской консультации, патронаж, показательные судебные процессы [5]. При этом подверглась критике санитарно-просветительская работа как не представляющая никакой ценности: «все эти лекции и кино уже так женщинам приелись, что никакого впечатления не производят» [6]. Необходимо было поставить вопрос более широко. Отмечалось, что «нет ни од-

ного фильма, который воспитывал бы людей в этом отношении, не привлечены крупные писатели, мастера художественной литературы... женщин воспитывают на давно избитых вещах... нет даже наглядных пособий, нет выставок, нет брошюр, нет массовой литературы... нужно включаться в работу журналов «Работница» и «Крестьянка»» [7].

Необходимо отметить, что на заседании прозвучало много взаимной критики работников здравоохранения и прокуратуры: врачи обвиняли следователей в том, что те абсолютно не интересуются делами, связанными с криминальными абортами, не считают их преступлениями; что зачастую врач идет на риск, выявляя криминал, а в итоге узнает, что дело так и не было заведено. Приводились примеры, когда следователи вели себя некорректно, нарушали профессиональную этику врача, вызывая его на допрос одновременно с пациентками. В свою очередь прокуратура обвиняла врачей в том, что те не сообщают все сведения по делу и в необходимый срок.

Не было претензий только к работе наркомата юстиции: «суды закон выполняют. Дела, доходящие до суда, получают достаточно удовлетворительное решение». При этом под «удовлетворительным решением» следует понимать отнюдь не число оправданных – только 6–7 % дел заканчивались оправдательными приговорами или же их прекращением [8], в то время как 93–94 % подобных дел завершались административным и уголовным наказанием. Кстати, юстиция также имела претензии к качеству работы прокуратуры по вопросу раскрытия преступлений, связанных с криминальными абортами: до карательных органов доходила ничтожная часть дел, причем только тех, которые производились не врачами и с неблагоприятными исходами; отсутствовали данные о должностном составе привлеченных, поэтому число осужденных за производство абортующих (то есть как раз составляющих ту группу, к которой принадлежали медицинские работники) составляло всего 35 % [9]. При этом отмечалось, что дела часто прекращались только потому, что по делу привлекалась «старуха», «слепая» и т.д. [10]. Таким образом, получалось, что число лиц, переданных суду, было в десятки раз меньше числа криминальных абортующих, зарегистрированных органами прокуратуры и здравоохранения, а также в сотни раз меньше общего числа произведенных в стране нелегальных абортующих. Так, по сведениям директора первой гинекологической больницы Москвы доктора М.К. Гесберг, из всех абортующих 2 % составляли самопроизвольные, 6 % – выявленные криминальные, остальные 92 % – не выявленные, но вероятнее всего криминальные [11]. А по данным начальника сектора родовспоможения Мособлздрава доктора А.М. Зубковой, на 50 000 беременностей приходилось 16 000 абортующих, из них явно криминальных – 5 000, при этом судебными органами было рассмотрено всего 2 700 дел [12]. Поэтому отмечалось, что все проводимые ранее мероприятия не имели никакого эффекта, потому что «женщина с большой легкостью могла сделать аборт» [13].

Конечно, это было далеко не так. Женщины боялись идти на криминальный аборт как из-за боязни попасть под суд, так и из-за последствий для здоровья. На этом же совещании говорилось о том, что после нелегальных операций женщины часто поступали в больницы с тяжелыми последствиями, в том числе и потому, что вовремя не обращались за медицинской помощью. У многих пациенток при поступлении в больницы были диагнозы «грипп» или «лихорадочное состояние», так как они боялись раньше обратиться за медицинской помощью. В 2/3 случаев было зафиксировано очень позднее поступление – на 10-й день, в таких случаях были не исключены летальные исходы [14].

По результатам этого и других подобных совещаний было принято инструктивно-методическое письмо о санитарно-просветительской работе по борьбе с абортующим, которое в виде листовки было распространено в течение 1950 г. по всем учреждениям здравоохранения, социально-правовым кабинетам, профсоюзным и общественным организациям Союза [15].

В инструкции предлагалось два ведущих направления санитарно-просветительской работы по борьбе с абортующими:

– в лечебных учреждениях: в кабинете участкового врача женской консультации, в социально-правовом кабинете, в зале ожидания консультации, в палатах стационара, в «выписной» комнате, в посетительской и т.д.;

– вне лечебно-профилактических учреждений: в клубах, красных уголках заводов, фабрик и домоуправлений, в общежитиях, в кинотеатрах, библиотеках, непосредственно на дому у женщин и т.д.

В качестве форм работы назывались индивидуальные и групповые беседы, лекции, громкие читки, демонстрации выставок, использование популярной литературы, освещение вопросов о вреде и опасности абортующих в печати (многотиражная газета предприятия, стенная газета, доска ответов), проведение вечеров вопросов и ответов [16].

В письме отмечалось, что «в нашей стране женщина имеет полную возможность сочетать труд с материнством» [17], поэтому в сравнении с дореволюционной Россией и капиталистическими странами, противопоставив этому положение женщины в СССР, «на фоне величайших

государственных мероприятий по охране материнства и младенчества необходимо показать, что у советской женщины нет оснований прибегать к аборту, подвергать свое здоровье и жизнь опасности и лишать себя радости материнства» [18]. К «величайшим государственным мероприятиям» относились сталинская забота о женщине и детях, закон от 27 июня 1936 г. о запрете аборта и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. [19].

Положение о звании «Мать-героиня», статус ордена «Материнская слава» и положение о «медали материнства» должны были свидетельствовать о том большом почете, которым пользовалась в Советской стране женщина-мать. Так, по состоянию на 1 января 1951 г. звание «Мать-героиня» с 1944 г. получили 33 409 женщин, орден «Материнская слава» – 787 131 женщина, а «Медаль материнства» – 2 427 042 женщины [20]. А в 1952 г. (с 1944 г.) уже 35 719 многодетных матерей удостоились почетного звания «Мать-героиня», 844 224 были награждены орденами «Материнская слава», 2 653 190 – «медалями материнства» [21].

Предлагаемые меры были недостаточно эффективны в борьбе за снижение криминальных абортот. Так, в справке управления родовспоможения Министерства здравоохранения СССР от 23 июня 1950 г. о выполнении решения коллегии Министерства здравоохранения СССР от 2 сентября 1949 г. и приказа Министерства здравоохранения от 30 сентября 1949 г. за № 716 о мероприятиях по снижению абортот отмечалось, что в послевоенные годы в 1946 г. и особенно в 1947 г. процент абортот (по отношению ко всем беременностям) уменьшился и был ниже 1940 г., а в 1948 г. он превысил показатель 1940 г. При этом 80 % абортот производилось в городах, из которых, по данным 1948 г., 12,3 % производилось по медицинским показаниям (то есть были официально разрешенными), а 87,7 % были внебольничными, которые включали в себя самопроизвольные и преступные абортот, на борьбу с которыми нужно было направить мероприятия органов здравоохранения [22].

Также отмечалось, что отчеты Министерств и органов здравоохранения на местах пестрили большими цифрами проводимых лекций и бесед, при этом санитарно-просветительская работа была развернута недостаточно, а ее формы были однообразны. Почти совершенно не использовались в деле санитарного просвещения по борьбе с абортот районные и фабрично-заводские радиоузлы, местная пресса и многотиражные газеты промышленных предприятий. Было недостаточно наглядных пособий, выставок и плакатов. Имелись лишь отдельные попытки поиска новых форм работы – конференции актива женщин в Московской области, выездные научно-популярные сессии на ряде крупных предприятий в Ленинграде. Социально-правовая помощь была организована очень плохо, а на промышленных предприятиях почти полностью отсутствовала [23].

Материалы о случаях криминальных абортот передавались лечебными учреждениями в следственные органы с сильным запозданием, что затрудняло процесс расследования. Так, в Ивановской области было передано в следственные органы в установленный 24-часовой срок только 13,5 % дел, 36,9 % – в пятидневный срок, а 49,6 % – в срок от 10 до 30 дней [24].

При проверке ряда предприятий было установлено, что советское законодательство по охране труда женщин и особенно беременных нередко нарушается: были случаи увольнения беременных на поздних сроках, переводы на более низкооплачиваемую работу, труд беременных на тяжелых работах и во вредных цехах и прочее [25]. Санитарно-гигиенические условия работы и техника безопасности на предприятиях также подвергались критике: на заводах зачастую были плохо оборудованы душевые, раздевалки, умывальники, комнаты гигиены женщин, бачки для воды, а учеба и инструктаж рабочих правилам техники безопасности зачастую носили формальный характер [26].

Однако уже в 1951 г. отмечалось, что санитарно-просветительская работа приняла более плановый и массовый характер. Были прочитаны лекции на предприятиях, в цехах, общежитиях, клубах и кино. Проведены беседы, радиопередачи, изданы популярные фильмы, размножена санпросвет литература на русском и национальных языках: брошюры и листовки о вреде абортот. На некоторых предприятиях беседами были охвачены не только женщины, но и мужчины. Организовывались вечера вопросов и ответов. В прессе печатались научно-популярные статьи. Даже ставились пьесы в театрах санкультуры по вопросам борьбы с абортот [27]. На 1 января 1951 г. в СССР насчитывалось 606 социально-правовых кабинетов при женских консультациях [28]. В ряде областей были организованы советы содействия. На предприятиях улучшились условия труда и быта работниц. Были организованы областные, городские, районные комиссии по борьбе с абортот и специальные комиссии на крупных предприятиях, в состав последних вошли представители фабзавкомов и женотделов [29]. На многих промышленных предприятиях были проведены профосмотры, в результате чего выявленные беременные и гинекологические больные взяты на учет.

Однако санитарно-просветительская работа проводилась далеко не везде. Также в очередной раз отмечалось, что из всех дел, переданных в прокуратуру, большинство не рассматривалось. Число производимых в стране аборт по-прежнему оставалось огромным: 899 971 в 1949 г., 1 140 198 в 1950 г. [30]. При этом удельный вес аборт, произведенных по медицинским показаниям, в общем числе аборт составил в 1949 г. 10,4 %, в 1950 г. 9,6 %, а количество всех аборт по отношению к общему числу беременностей в 1949 г. было 15,6 %, в 1950 г. 19,1 % [31].

Впоследствии неуклонно высокая статистика нелегальных аборт заставила правительство перейти к политике смягчения, а затем и отмены запрета на операцию аборт. Так, в 1951 г. был значительно расширен перечень медицинских показаний к искусственному прерыванию беременности. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1954 г. отменил уголовную ответственность женщины за подпольный аборт [32]. А 23 ноября 1955 г. был подписан Указ «Об отмене запрещения аборт». В его преамбуле подчеркивалось, что легализация была введена «в целях предоставления женщине возможности самой решать вопрос о материнстве, а также предупреждения вреда, наносимого здоровью женщины внебольничными абортами» [33].

Таким образом, уже в середине 1950-х гг. были легализованы «аборт по просьбе», которые имели право производить только лица со специальным медицинским образованием при сроке беременности до 12 недель и обязательно в медицинских учреждениях. При несоблюдении хотя бы одного из этих условий аборт считался криминальным, за что устанавливалось весьма суровое наказание – до 8 лет исправительных работ [34]. Решение о принятии такого закона в отношении аборт было вызвано с возросшим культурным уровнем населения, сравнительно высокой рождаемостью и естественным приростом населения страны.

Вместе с тем в указе отмечалось, что снижение числа аборт должно было обеспечиваться дальнейшим развитием государственных мер поощрения материнства воспитательного, агитационного и пропагандистского характера, а также в результате дальнейшего расширения социальных мероприятий, облегчающих положение женщин и помогающих им в воспитании детей. В нем подчеркивалась необходимость широкого проведения разъяснительной работы среди населения о вреде, оказываемом аборт, на здоровье женщины, даже если он производился в медицинском учреждении. Таким образом, государственная политика в отношении аборт в 1950-х гг. носила двойственный характер. С одной стороны, она допускала возможность совершения аборт, а с другой – была направлена на поощрение материнства, пропаганду здоровья женщины-матери, создание условий для реализации ее репродуктивной функции.

Такие меры в борьбе за снижение числа аборт не могли быть эффективны без проведения государственных мероприятий по повышению материального и культурного уровня населения, поощрения материнства и его пропаганды. В связи с этим забота государства о женщине еще более усилилась во второй половине 1950-х гг. Так, на XX съезде КПСС, проходившем в феврале 1956 г., были приняты директивы по дальнейшему развитию здравоохранения, предусматривавшие ряд мероприятий, направленных на дальнейшее облегчение условий труда и быта женщины-матери. Например, к 1960 г. по сравнению с 1955 г. планировалось построить почти в 3 раза больше новых больниц и в 2,4 раза больше детских учреждений, число мест в детских яслях увеличить на 44 % и детских садах – на 45 %, построить новые санатории, дома отдыха и больницы для детей [35]. Это должно было способствовать дальнейшему улучшению условий труда и быта женщин, открыть более широкие возможности для их участия в производственной, культурной и общественно-политической жизни страны.

Практические воплощения директив начались фактически сразу же после окончания XX съезда КПСС. Уже 26 марта 1956 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР предусматривалось увеличение отпуска по беременности и родам с 77 до 112 дней – 56 дней до родов и 56 дней после, а также увеличение послеродового отпуска до 70 дней в случае осложненных родов или рождении двойни [36]. Такие меры способствовали укреплению здоровья матери и помогали ей еще лучше осуществлять уход за новорожденным ребенком.

Постановлением Совета Министров СССР от 13 октября 1956 г. «О дальнейших мерах помощи женщинам-матерям, работающим на предприятиях и в учреждениях» директорам предприятий рекомендовалось выдавать материально нуждающимся беременным женщинам бесплатно путевки в санатории и дома отдыха за счет фонда предприятий для улучшения культурно-бытовых условий работников и совершенствования производства [37]. А 26 октября 1956 г. было принято Постановление Совета Министров СССР, предлагающее руководителям предприятий и учреждений предоставлять по просьбе матерей после окончания отпуска по беременности и родам дополнительный отпуск (без сохранения заработной платы) на срок до 3 месяцев. При желании матери можно было разрешить ей оставить работу на один год после рождения ребенка с сохранением при этом непрерывного трудового стажа. Этим же постановлением предусматрива-

лось увеличение числа коек в санаториях и домах отдыха в 1956-1957 гг. до 2000 мест для беременных и женщин с детьми, а директора предприятий могли выдавать наиболее нуждающимся работницам бесплатные путевки за счет фонда предприятий [38].

Наряду с этим, особое значение имела и проводимая государством социальная политика, направленная на улучшение жизни советских граждан, которая косвенным образом касалась и женщин-матерей. Так, начиная с 1947 г. в течение семи лет проводилось массовое снижение розничных цен на товары народного потребления. В 1956 г. были отменены введенные еще в 1940 г. наказания за опоздания на работу и прогулы, а также запреты на перемену места работы [39]. В этом же году рабочая неделя была сокращена на два часа в субботние и предпраздничные дни [40]. Существенно увеличились масштабы жилищного строительства. Только за период 1946–1956 гг. в городах и поселках были построены и возведены жилые дома общей площадью около 300 миллионов квадратных метров, что более чем в 1,5 раза превышало весь городской жилищный фонд дореволюционной России. Это позволило многим тысячам семей переселиться в отдельные квартиры [41]. Не останавливаясь на этом, ЦК КПСС и Совет Министров СССР 2 августа 1957 г. выпустили постановление «О развитии жилищного строительства в СССР». В нем устанавливался объем государственного жилищного строительства на 1956–1960 гг. по вводу в эксплуатацию жилых домов в размере 215 миллионов квадратных метров [42]. Все эти меры объективно способствовали повышению уровня жизни населения страны.

Большое значение имело и акцентирование внимания общества на женщине-матери, которое проявлялось, в том числе, и в официальных партийных и правительственных поздравлениях по случаю праздников. Так, еще в 1950-х гг. были распространены такие поздравления, как: «Большой теплотой и заботой окружены женщины в нашей стране. Партия и правительство создают все условия для того, чтобы советские женщины могли спокойно учиться, работать, расти, полностью осуществлять великие права, предоставленные им Сталинской Конституцией, детские сады, ясли, детские санатории, помощь многодетным и одиноким матерям...» [43].

Суммируя вышесказанное, отметим, что в рассматриваемый период произошло изменение политики государства в отношении абортов, что нашло отражение не только в их легализации, но и в агитации и пропаганде сохранения здоровья женщины путем отказа от них, а также комплексной помощи женщинам-матерям со стороны государства и партии. Благодаря усилиям партии и правительства был выработан комплекс мер, направленный на помощь женщине-труженице и женщине-матери.

Ссылки и примечания:

1. Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 22 ноября 1936 г. № 2012 «Положением о порядке разрешения операции искусственного прерывания беременности по медицинским показаниям».
2. ГАРФ. Ф. Р8009. Оп. 22. Д. 53. Л. 1–14 с об.
3. Там же. Л. 1.
4. Там же. Л. 1.
5. Там же. Л. 2, 4, 4 об.
6. Там же. Л. 3.
7. Там же. Л. 5.
8. Там же. Л. 6 об.
9. Там же. Л. 7.
10. Там же. Л. 8.
11. Там же. Л. 3 об.
12. Там же. Л. 4.
13. Там же. Л. 8.
14. Там же. Л. 3 об.
15. ГАРФ. Ф. Р8009. Оп. 22. Д. 209. Л. 105-108.
16. Там же. Л. 110-111.
17. Там же. Л. 93.
18. Там же. Л. 116.
19. Там же. Л. 93. Подробнее об этом см.: Шаповалова Я.А. Государственная политика советского государства в отношении абортов в 1920–1930-е гг.: от разрешения к полному запрету // Общество: философия, история, культура. 2011. № 1–2. С. 95–98 ; Шаповалов С.Н., Шаповалова Я.А. Государственная политика в отношении семьи в годы Великой Отечественной войны // Актуальные социально-политические и правовые проблемы развития российского общества: сб. материалов VI Международ. науч. читат. конф. Краснодар, 2010. С. 85–90.

References (transliterated) and notes:

1. Postanovleniem Soveta Narodnyh Komissarov Soyuza SSR ot 22 noyabrya 1936 g. No. 2012 "Polozheniem o poryadke razresheniya operatsii iskusstvennogo preryvaniya beremennosti po meditsinskim pokazaniyam".
2. GARF. F. R8009. Op. 22. D. 53. L. 1–14 s ob.
3. Ibid. L. 1.
4. Ibid. L. 1.
5. Ibid. L. 2, 4, 4 ob.
6. Ibid. L. 3.
7. Ibid. L. 5.
8. Ibid. L. 6 ob.
9. Ibid. L. 7.
10. Ibid. L. 8.
11. Ibid. L. 3 ob.
12. Ibid. L. 4.
13. Ibid. L. 8.
14. Ibid. L. 3 ob.
15. GARF. F. R8009. Op. 22. D. 209. L. 105-108.
16. Ibid. L. 110-111.
17. Ibid. L. 93.
18. Ibid. L. 116.
19. Ibid. L. 93. For more details see: Shapovalova Y.A. Gosudarstvennaya politika sovet'skogo gosudarstva v otnoshenii abortov v 1920–1930-e gg.: ot razresheniya k polnomu zapretu // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2011. No. 1–2. P. 95–98 ; Shapovalov S.N., Shapovalova Y.A. Gosudarstvennaya politika v otnoshenii sem'i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny // Aktual'nye sotsial'no-politicheskie i pravovye problemy razvitiya rossiyskogo obshchestva: sb. materialov VI Mezhdunar. nauch. chitat. konf. Krasnodar, 2010. P. 85–90.

20. РГАСПИ. Ф. Р-17. Оп. 132. Д. 564. Л. 22.
21. Там же. Л. 20.
22. ГАРФ. Ф. Р8009. Оп. 22. Д. 228. Л. 55.
23. Там же. Л. 58–59, 62.
24. Там же. Л. 65.
25. Там же. Л. 69–72.
26. ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 736. Л. 102 об.
27. ГАРФ. Ф. Р8009. Оп. 32. Д. 238. Л. 13–16.
28. Там же. Л. 55.
29. Там же. Л. 17, 53.
30. Рассчитано по: Справка об абортax за 1949 и 1950 гг. по СССР // ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 32. Д. 238. Л. 87.
31. ГАРФ. Ф. Р8009. Оп. 32. Д. 238. Л. 87.
32. ВВС СССР. 1954. № 15. Ст. 334.
33. ВВС СССР. 1955. № 22. Ст. 425.
34. Там же.
35. Материалы XX съезда КПСС. М., 1956. Ч. 2. С. 57, 481.
36. Об увеличении продолжительности отпуска по беременности и родам // Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. № 6. Ст. 154.
37. СП СССР. 1957. № 2. Ст. 7.
38. Бартельс А.В., Гранат Н.Е., Ногина О.П. Курс лекций для беременных женщин. М., 1957.
39. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1956 г. «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. № 10. Ст. 203.
40. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 марта 1956 г. «О сокращении продолжительности рабочего дня для рабочих и служащих в предвыходные и предпраздничные дни» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. № 5. Ст. 135.
41. Правда. 1957. 2 августа.
42. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 31 июля 1957 г. № 931 «О развитии жилищного строительства в СССР» // Собрание Постановлений СССР. 1957. № 9. Ст. 102.
43. Известия. 1950. 9 марта.
20. RGASPI. F. R-17. Op. 132. D. 564. L. 22.
21. Ibid. L. 20.
22. GARF. F. R8009. Op. 22. D. 228. L. 55.
23. Ibid. L. 58–59, 62.
24. Ibid. L. 65.
25. Ibid. L. 69–72.
26. TSDNIRO. F. R-9. Op. 1. D. 736. L. 102 ob.
27. GARF. F. R8009. Op. 32. D. 238. L. 13–16.
28. Ibid. L. 55.
29. Ibid. L. 17, 53.
30. Calculated by: Spravka ob abortah za 1949 i 1950 gg. po SSSR // GARF. F. R-8009. Op. 32. D. 238. L. 87.
31. GARF. F. R8009. Op. 32. D. 238. L. 87.
32. VVS SSSR. 1954. No. 15. Art. 334.
33. VVS SSSR. 1955. No. 22. Art. 425.
34. Ibid.
35. Materialy XX s'ezda KPSS. M., 1956. Pt. 2. P. 57, 481.
36. Ob uvelichenii prodolzhitel'nosti otpuska po beremennosti i rodam // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1956. No. 6. Art. 154.
37. SP SSSR. 1957. No. 2. Art. 7.
38. Bartel's A.V., Granat N.E., Nogina O.P. Kurs lektsiy dlya beremennyh zhenshchin. M., 1957.
39. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 25 aprelya 1956 g. "Ob otmene sudebnoy otvetstvennosti rabochih i sluzhashchih za samovol'niy uhod s predpriyatii i iz uchrezhdeniy i za progul bez uvazhitel'noy prichiny" // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1956. No. 10. Art. 203.
40. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 8 marta 1956 g. "O sokrashchenii prodolzhitel'nosti rabocheho dnya dlya rabochih i sluzhashchih v predvyhodnye i predprazdnichnye dni" // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1956. No. 5. Art. 135.
41. Pravda. 1957. August 2.
42. Postanovlenie TSK KPSS, Sovmina SSSR ot 31 iyulya 1957 g. No. 931 "O razvittii zhilishchnogo stroitel'stva v SSSR" // Sobranie Postanovleniy SSSR. 1957. No. 9. Art. 102.
43. Izvestiya. 1950. March 9.